18+

ВАСИЛИЙ МОРСКОЙ

ЗЕМНЫЕ РАССКАЗЫ

О ЛЮДЯХ И НЕ ТОЛЬКО

Василий Морской

Земные рассказы.
О людях и не только

«Издательские решения»

Морской В.

Земные рассказы. О людях и не только / В. Морской — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608886-3

Начинающий писатель Василий Михайлович Маслов, публикующийся под псевдонимом Василий Морской, рассказывает истории, случившиеся с ним, его друзьями, знакомыми и не очень, людьми.

ISBN 978-5-00-608886-3

© Морской В.
© Издательские решения

Содержание

Алешкины истории 6
Пожарный вагон 6
Баночка 8
Зарплата 10
Мохнатая и страшная 12
Аут 18
Цель 22
Глава 1. Первые шаги 22
Глава 2. Яхты. Море. Пароход 28
Глава 3. Приказано выжить 33
Глава 4. Без вины виноватые 38
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Земные рассказы
О людях и не только

Василий Морской

© Василий Морской, 2023

ISBN 978-5-0060-8886-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алешкины истории

Пожарный вагон

В детстве Алеша Марков собирал почтовые марки, как, наверное, многие дети того времени. Часть его коллекции состояла из случайных марок, когда-то оставленных на хранение мамой и бабушкой. Это были марки и марочки разных размеров и содержания, некоторые действительно снятые с почтовых конвертов, некоторые – невесть откуда взявшиеся из прошлых лет их семьи – давно лежали в маминой коробке со всякими документами и старыми письмами. Наивно Алексей полагал, что это не очень ценная часть его коллекции, поэтому слишком с ними не церемонился и держал их в альбоме за обложкой. А вот самая ценная, по его мнению, часть коллекции состояла из современных марок, которые ему иногда покупали родители. Это были марки про спорт, про города, про флору и фауну разных стран. Они были цветные и очень красивые.

Семья Марковых жила во Владивостоке, и первокласснику Алеше Маркову родители разрешали иногда покупать самому марки в киоске «Союзпечать», что стоял на перекрестке улиц Спортивной и Фадеева. Этот киоск стоял прямо на пути к Алешиной школе №41, где он учился в первом классе. Дважды в день Алеша ходил мимо этого киоска, поглядывая на марки, которые были выставлены на кляссерах. Было очень удобно, иногда даже не останавливаясь, просто посмотреть через стекло киоска и понять, что ничего новенького не появилось.

Однажды, проходя мимо, Алеша увидел, что произошли изменения, какое-то цветное пятно появилось на кляссерах. Он приблизился и увидел новые марки. Это была фееричная серия о птицах из африканской страны Бурунди. Они были больших размеров, удивительных цветов и представлены огромным блоком. Алеша знал, что блок значительно дороже отдельных марок. Крупные цветные птицы, не известные ему ранее, были изображены на фоне ярких джунглей и экзотических растений. У Алексея задрожали ноги, так он захотел их в свою коллекцию! Но цена! Это была какая-то «сумасшедшая» сумма – шесть рублей сорок пять копеек. Ему давали каждый день по пятьдесят копеек на перекус в школе, это означало, что копить надо было примерно… Нет, никак не считалось в уме! Он вспотел, но не мог сразу сосчитать, сколько дней надо было не есть, не пить, а только складывать в железную коробку из-под монпансье!

Он побрел в школу на чугунных ногах с чувством огромной потери, какой-то почти катастрофы, понимая, что не сможет никогда купить эти марки, а ведь в киоске их видят все. Конечно, такие марки не простоят долго, их просто мгновенно раскупят.

В школе учительница Варвара Сергеевна заметила смурное настроение Алеши Маркова и даже спросила, не случилось ли чего дома. Он промолчал, потому что складывал в столбик по пятьдесят копеек, считал, сколько времени нужно копить требуемую сумму. Получалось уже больше двух недель. Алеша совсем сник.

По дороге из школы домой его мысль работала только в одном направлении: как попросить у мамы шесть рублей, а сорок пять копеек у него оставались, и он мог бы добавить сам.

Есть не хотелось, хотя ему оставлен был обед, как обычно, в холодильнике, нужно было только разогреть. Сегодня ему не хотелось ничего. Сестра Людмила была в садике, и Алеша был, как всегда, предоставлен сам себе до прихода родителей с работы.

Он быстро справился с уроками – ему все давалось легко – и слонялся по квартире с навязчивой мыслью. Мама может не дать таких денег, а может, и даст, нет, не даст, больно много! В гостиной под столом на полу стоял красный пластмассовый вагон от пожарного поезда, который ему подарили на день рождения пару лет назад. Он пнул его от досады, и вагон

переехал с места на место с металлическим звуком. От озарившей мысли Алексея бросило в жар, потом в холод.

Он вспомнил, что папа приспособил этот игрушечный вагончик под семейную копилку. Он прорезал небольшое отверстие в пластиковой торцевой стенке вагона и просовывал туда большие металлические рубли. Алексей поднял вагон и посмотрел на свет, монет там было много, сколько, даже боязно представить, но побольше трех десятков точно. Он переворачивал вагон из стороны в сторону, рубли перекатывались внутри с будоражащим звоном. Он поставил его на попа и потряс, нет, конечно, выпасть не могла ни одна монетка, слишком узкое было отверстие, папа все рассчитал.

Тогда Алексей взял столовый нож и попробовал лезвием пошерудить внутри вагончика, это ему удалось, однако ничего не происходило, рубли не вытаскивались. Он понимал, что попадет ему по первое число, если, правда, заметят. Желание непременно стать владельцем тех марок было очень сильным, и что-то подсказывало, что нужно чуть-чуть раздвинуть стеночки прорези, только чуть-чуть, чтобы пролезла одна монетка – и она пролезла, и вторая, и третья, и шестая…

Прибежав к киоску, зажав в потном кулаке монеты, он увидел, что марки были на месте. С души свалился камень, и ему стало необычайно легко. А дальше – дальше, как в тумане, марки перекочевали ему в руки, а деньги в руки киоскерши.

Вечером он был шелковый до такой степени, что даже сестра Людмила заметила и спросила, что с ним происходит.

Пролетело несколько дней, ровно до того момента, как папа решил засунуть в свою копилку очередной металлический рубль. Он погремел немножко вагончиком, переворачивая его чуть дольше, чем обычно, потом позвал маму на кухню. Через минуту они вышли оттуда вместе и, держа на весу вагончик, мама спросила:

– Алешенька, ты брал деньги из вагончика? Что-то тут все изрезано ножом. Это ты сделал?

Алексей перехватил тревожный Людмилин взгляд, но она сейчас тоже была не на его стороне. Он решил сдаться сразу: заревел белугой, подошел к альбому с марками и открыл, показывая всем марки никому не известной страны Бурунди.

Отец, заведясь с пол-оборота, – видимо, он думал, что причина будет более веской, – взял в прихожей длинную сапожную ложку, сделанную из китового уса, и, взяв Алексея за шею железной рукой, трижды врезал по заднице. Алексей завыл, глотая слезу, ушел в ванную комнату. Там он обычно, приспустив штаны, рассматривал в зеркало красно-синий след от удара и ревел еще сильнее.

Отец щелкнул дверной задвижкой на двери ванной, это означало: наказан, закрыт до особых указаний. Сидеть было очень больно, поэтому Алексей лег на коврик на полу и, свернувшись калачиком, заплакал, жалея себя.

Прошли годы. Алексей Кириллович Марков, офицер флота, перебирая дома старые бумаги и семейные документы, наткнулся на пачку кляссеров. Он тронул их пальцами: вот те самые птицы из Бурунди. Это были последние марки в его жизни, что были помещены тогда в тот злополучный день в его коллекцию. Собиратель марок закончился в нем в той ванной комнате.

Баночка

В те времена, когда Алеша был маленьким, бухта Патрокл была необжитым и относительно далеким объектом загородного отдыха жителей Владивостока. Алешкин папа Кирилл Константинович и мама Рита любили это место и частенько летом в выходной день выбирались туда всей семьей покупаться и позагорать. Нужно было долго ехать автобусом до конечной остановки, которая тоже называлась «Патрокл». Потом топали пешком до скалистых берегов полуострова Басаргин, где и отдыхали.

В этих названиях была магия неизвестных еще Алеше значений этих названий – Басаргин, Патрокл. Эти слова будоражили воображение, притягивали своим звучанием, поэтому на Патрокл вся семья ездила с большим удовольствием.

Семейство Марковых, Алеша и его сестра Людмила с родителями, давно облюбовали скалистый грот, где разбивалась основная стоянка, раскладывалась нехитрая снедь и при случае можно было даже укрыться от неожиданного дождя. Буквально в трех шагах от грота располагалась небольшая бухточка с трехметровым песчаным пляжем и несколькими плоскими, обточенными морской водой глыбами, где можно было загорать. К гроту вела узенькая тропинка, сплошь заросшая колючими кустами шиповника. Сам проход к гроту с тропинки был не виден, поэтому папа Марков поставил прямо на скале аккуратную метку белой краской, специально взятой в поход для этих целей.

Бухта Патрокл получила свое название в 1862 году в честь брига «Патрокл» в ходе экспедиции подполковника корпуса флотских штурманов Василия Матвеевича Бабкина. По итогам той экспедиции, которая проходила на корвете «Новик» в 1860—1863 годах, было открыто, обследовано и названо множество объектов на карте Приморского края. А бриг «Патрокл», в честь которого была названа эта бухта, оперировал на Балтийском флоте и прославился тем, что в 1836 году в составе отряда контр-адмирала Ф. П. Литке ходил по портам Балтийского моря для морской практики генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича.

Занятия своим детям папа, тоже флотский офицер, придумывал очень разные, но всегда с каким-нибудь практическим смыслом. Например, чтобы получить мороженое, нужно было шагов с десяти десять раз попасть камнем в небольшую ржавую консервную банку из-под сгущенки, которая ставилась на стенку грота. Попасть в нее было трудно, подряд десять раз практически невозможно. Однако папа Марков прятал жестянку в щель на скалах, и с завидным постоянством в следующий приезд баночка извлекалась, и Алексей с Людмилой до посинения бросали в нее камешками. Часто они не попадали и пяти раз подряд, оставались без мороженого.

На следующий год, когда удача была на стороне детей, ведь Алеше было уже двенадцать лет, а Людмиле – шесть, они два раза подряд были с мороженым в вафельном стаканчике. Тогда папа Марков неожиданно усложнил задачу, забрался по скале и поставил банку очень высоко. Кидать вверх было труднее, и точность сразу упала. Ребята загрустили, но папа был непреклонен. Он показательно, мастерски со второго броска сбил сверху банку и спрятал ее в небольшой щели в камнях. Уходя, когда отец уже пошел вперед на выход из грота, Алексей схватил ненавистную баночку из щели, быстро наполнил песком и с размаху выбросил ее далеко, метров на семь, в бухту.

Следующий приезд в Патрокл состоялся практически через три недели, и папа традиционно предложил им (как будто у них был выбор) покидать камешки на мороженое. Он поискал баночку и, не найдя ее на прежнем месте, пошептался с мамой и строго сказал:

– Ну, раз банка пропала, заменим ее отжиманием от земли! Алексей – двадцать раз, Людмила – десять раз! Пока не отожметесь, купаться не пойдете!

Вот же попали! Десять раз Алеша легко отжимался, а вот двадцать – не мог, совершенно точно. И отец это знал. И что Люда десять не отожмется, тоже знал.

– Кирилл, но это слишком сурово! – Мама пыталась заступиться, но ничего у нее не получилось.

Промучившись около получаса, в поту, с вымазанными в песке и глине животами и коленками ребята получили добро на заход в воду. Настроение было испорчено, руки дрожали, плечи ныли, но все-таки свою двадцатку Алексей вымучил.

Погода в тот день рано испортилась, пришлось сворачивать бивуак и двигаться на автобусе домой. Днем автобус ходил намного реже, пришлось долго ждать его под дождем на остановке с дырявой крышей. Людмиле тогда шел седьмой год, она многое понимала, и они с Алешей долго обсуждали, что же лучше было сделать.

– Может, лучше было баночку не выкидывать? А то ведь и мороженого не дали, и не покупались толком!

Зарплата

Однажды прекрасным майским днем пятиклассник Алеша Марков возвращался после тренировки в спортивной секции плавания. Залетел домой голодный и усталый, все уже были дома. В воздухе повисла тягостная атмосфера беды. Он почувствовал это сразу, как только вошел. Сестра Людмила показала ему жестом, мол, не знаю, что случилось, но родители какие-то сердитые и вроде сильнее обычного.

Оказалось, у отца из кармана рабочего форменного кителя исчезла вся месячная зарплата. Это была пачка трехрублевок сто штук, целых триста рублей. Отец с мамой перерыли все карманы и портфели, но ничего обнаружить не удалось. Алексея вызвали на кухню, где было обычное место для наказаний. У него словно подкосились ноги, когда отец бросил ему зло:

– Верни деньги, я знаю, это ты взял!

Мама молчала, потом сказала тихим голосом:

– Алешенька, верни, так будет лучше!

Так, значит, и она ему не верит. Алексей пустился в пространные заверения, что не брал, не знал и не имеет к этому случаю никакого отношения. Он подумал, что сейчас опять получит китовым усом по заднему месту, и мысленно уже приготовился к этому, расслабил мышцы ягодиц – это уже был испытанный прием. Обычно в таких ситуациях, не точно в таких, а в подобных, отец с полуоборота заводился и резко давал три-четыре удара по заднице длинной черной ложкой для обуви, которая была сделана умельцами с китобойной базы «Советская Россия» из китового уса.

Семейству Марковых это изделие «народного промысла» подарил дядя Саша, бывший сосед по коммунальной квартире, старший механик этой «Советской России». С тех пор ее использовали по двум поводам: надевали туфли – было очень удобно – и лупили Алексея с Людмилой – было очень больно!

Но в день обнаружения пропажи папиной зарплаты все пошло по-другому. Отец неожиданно схватил Алешу за руку повыше локтя и потащил волоком в коридор и дальше. Алексей со страху подумал, что его выгоняют из квартиры. Куда же ему деваться?! Что происходит?!

Они спустились в подвальный этаж. В их пятиэтажке были подвалы, где любой житель дома мог обустроить там место хранения старых вещей или овощных заготовок. В подвале отец устроил все очень по-хозяйски: в большом ящике хранилась картошка, стояли лыжи, лежали строительные материалы и всякий хлам, несколько банок с капустой и огурцами. Алексей там бывал часто, помогал расставлять вещи, убирать мусор и все такое.

Отец открыл свой подвал и коротко скомандовал:

– Давай, вперед, подумай над тем, что сотворил! – И выключил свет. Замок снаружи проскрежетал – и наступила тишина.

Алеше стало не по себе. Зачем же свет-то выключать! Он стоял в домашних тапочках, под рубашку, которая вылезла из штанов, устремлялся холодок. Глаза постепенно привыкли к темноте, из щелей струился небольшой свет от общего подвального коридора. Зарплату он не брал, и это обстоятельство и особенно то, что он не мог никак доказать, что не брал, его сейчас беспокоило больше всего. Почему сразу на меня? Хотя, понятно, Людмиле всего седьмой год, с нее спроса нет. А после случая с пожарным вагончиком ему доверия, видимо, уже не было. Это безвыходная ситуация. Он заревел в голос, слезы текли сами собой, он всхлипывал, ему было жалко себя!

Неожиданно он услышал из дальнего угла шебуршание и явное шевеление каких-то существ! Кожа покрылась пупырышками, охватил страх, плач прервался, воздуха не хватало! Он понял, что это крысы. Или мыши. Он схватил из стоящего рядом ящика картошку и сильно бросил в угол, где шебуршались. Потом бросил еще и еще. Вроде затихло. Потом он замер

и не шевелился, прислушиваясь к темноте. Шебуршание прекратилось, по-видимому, крысы или мыши ушли, он затаился, пока не устал стоять в одной позе и не привалился к ящику с картофелем. Через какое-то время – Алексею казалось, что прошел целый час, – он на ощупь закрыл картофельный ящик крышкой и забрался сверху с ногами. Ему казалось, что так его никто из мелких существ не достанет. Потом он прилег поудобнее и задремал.

Проснулся он от скрежета открываемой железной двери подвала. Включившийся свет резанул глаза. Отец показал жестом, мол, выходи. Они поднялись в их квартиру на третьем этаже. Мама, как обычно, работала над рукописью, что-то печатала на пишущей машинке, Людмила, видимо, уже спала. На дворе темень, значит, уже ночь, подумал Алеша. Отец сказал идти спать, и он по-тихому удалился в свою небольшую комнатенку и лег, не раздеваясь, на свой диван. Ему было уже все равно, что думают о нем родители. Он не знал, что делать в таких случаях. Через минуту он уже спал тяжелым сном.

А через три дня, в понедельник, Алексей слышал, как отец с матерью что-то громко обсуждали на кухне за закрытыми дверями и голоса были совсем не строгими и не сердитыми, а скорей радостными. Он ходил на тренировки три раза в неделю, приходил поздно и сразу ложился спать. Людмила его жалела, но по-детски очень мало и все время тянула его играть. Но настроения не было, Алексей был в опале, и это чувствовалось во всем.

Еще через неделю у отца была рабочая суббота, Алексея и Людмилу мама кормила пельменями после школы и садика. Мама неожиданно сказала Алексею:

– Ты знаешь, а деньги нашлись! Оказывается, отец положил их в карман другого форменного кителя на работе, и они там провисели всю прошлую пятницу и выходные, а в понедельник он их там и нашел.

Алексей хлопал глазами, из них брызнули коварные слезы, он не мог понять: как, в понедельник нашел, а сегодня уже суббота, почему же ему не сказали, что деньги нашлись?! В горле запершило, опять накатила горечь, и он заревел в голос.

Вечером приехал со службы отец и как ни в чем не бывало весело спросил:

– Ну что, может, завтра в Патрокл?

Людмила весело заскакала по квартире:

– Патрокл! Патрокл! Поехали купаться!

– Что-то мне не хочется! Буду готовиться к контрольной по математике! – глухо выдавил из себя Алексей.

Через много лет, когда Алексей Кириллович, будучи уже взрослым, смотрел в невинные глаза своего первого сына, который частенько ему врал по пустякам, шкодил, он видел в них самого себя, стоящего перед отцом с расслабленными ягодичными мышцами, и тогда начинал смеяться, пока сын тоже не начинал смеяться, и так они хохотали, пока сын не говорил ему, что ну, конечно, это он, но, правда, он не хотел, но так получилось… Алексей думал: это же мой сын, я его пальцем никогда не трону. И так было!

Мохнатая и страшная

Семья Марковых, когда жила во Владивостоке, частенько выбиралась в ближние и дальние походы с большими и не очень родительскими компаниями вдоль побережья залива Петра Великого и на близлежащие острова. Один такой поход Алексей запомнил надолго.

Однажды летом они отравились в бухту Мелководную, однако это не в ту бухту Мелководную (их оказалось в Приморском крае несколько), которая была в Амурском заливе в получасе хода от Владивостока, а в ту дальнюю бухту Мелководную, расположенную в глухих местах Приморской тайги, куда по суше было не добраться и за неделю, где еще, по слухам, существовал рыбацкий поселок Мелководный и стояли останки заброшенного в прошлом веке небольшого рыбоперерабатывающего завода.

Туда по морю было почти восемь часов непростого морского перехода. Вот, собственно, куда всех потащил Евгений Хлуденев, закадычный друг Кирилла Маркова, собрав группу из четырех семей заводчан владивостокского 275-го военного судоремонтного завода, всего с детьми – четырнадцать человек.

Поход начинался с погрузки на морской катер, который называли морским трамвайчиком. Алексей хорошо знал этот тип катеров, такие бегали по бухте Золотой Рог много лет, они выполняли роль основного морского транспорта, который перебрасывал людей из многочисленных бухточек и районов Владивостока в центр города. Они ходили очень часто и строго по расписанию.

Когда Марковы жили на Русском острове, морские трамвайчики возили жен офицерского состава в город за покупками. В общем, это было очень удобно.

Ранним субботним утром вся компания с шутками и прибаутками грузилась на 36-м причале в такой морской трамвайчик с палатками, рюкзаками, кучей котомок, непромокаемыми

баулами, где размещалась вся походная утварь и продукты. Семья Марковых была в полном составе вместе с верным Жаком, собакой неопределенной породы, как им сказали – помесь карликового пинчера с дворнягой, который вел себя соответственно моменту: суетился, погавкивал немного, но был очень рад неведомой ему прогулке.

Катер по расписанию отходил ровно в восемь утра и шел в поселок Преображение, который располагался в одноименной бухте, в пути было несколько остановок, в том числе и в бухте Мелководной. Путь был неблизкий, почти семьдесят морских миль, идти надо было почти шесть часов до Мелководной. На переходе все развлекались как могли, слонялись туда-сюда, взрослые играли в нарды, а дети – четверо мальчишек и две девчонки – то сидели на баке катера и любовались разлетающимися морскими брызгами от форштевня, то на юте, где собрались большинство пассажиров и слушали чьи-то незамысловатые рыбацкие истории. Иногда все перекусывали бутербродами с вареной колбасой, и тогда Жак на потеху всему катеру выделывал разные фокусы «за колбасу».

Вообще, это была особенная собака. Когда мама Рита Маркина принесла его щенком домой на улицу Спортивную и спустила с рук на пол, он бодро побежал к открытому балкону и спрыгнул прямо с третьего этажа на улицу. Маркины ахнули, но, быстро опомнившись, Алексей побежал за собачкой на улицу. Песик лежал на боку, и на его черных собачьих глазах были слезы. Алексей бережно поднял его тельце и понес домой. Будучи серьезным человеческим врачом, мама Маркина осмотрела щенка как могла. У него была травма левой задней ноги и вроде больше ничего. Оказалось, что у прошлых хозяев, которые жили в собственном доме, всегда была открыта задняя дверь на улицу, в сад, и пес ежедневно ходил таким образом гулять.

Через несколько дней Жак оклемался и начал сначала ходить, похрамывая, потом потихонечку бегать. Алексея он зауважал сразу и признал своим хозяином, наверное, за то, что он его спас на улице после падения. Он имел радикально черный с отливом окрас и гордую белую манишку, за что, наверное, и прозван был Жаком! Хвост ему прежние хозяева отрубили неудачно, и у него остался небольшой обрубок, которым он также показывал свои чувства радости и тревоги, служил, сидел и лежал по команде, был очень смышленым псом, короче, Жак был овчаркой в миниатюре.

Наконец, прибыли в бухту Мелководную. В связи с малой прибрежной глубиной, откуда и ее название, катер лег в дрейф посередине бухты и, гуднув два раза, стал ждать лодку с берега. Высаживалась только их компания из четырнадцати человек. За три захода моторка сняла с катера всех туристов с вещами, и катер, дав несколько коротких гудков, двинулся в Преображение.

Мужская часть группы, включая мальчишек, пошла искать место для размещения лагеря, а женщины пошли в прибрежный магазин докупить каких-нибудь местных продуктов.

К вечеру разбили лагерь, где размещались четыре семейные палатки и одна продуктовая, костровое место, оборудованное для приготовления пищи, сушилка и прочие хозяйственные места типа дровяного склада и т. д. Детей сразу определили собирать дрова, потому что сухие дрова являлись самым ценным материалом для приготовления пищи. Они натаскали кучу дров. Как стемнело, по лагерю дали команду ужинать. В компании, куда входила семья Марковых, было принято все делать по порядку, как у военных, хотя военных было всего двое – Кирилл, отец Алексея, и отец двух братьев Хлуденевых – Евгений, оба работали на заводе военпредами и любили покомандовать. Они были инициаторами лагерных дежурств, когда сутки дежурила пара, мужчина и женщина, а они могли себе выбрать в помощники дежурных какого-нибудь ребенка, но все должны быть из разных семейств, чтобы было интереснее и нескучно. В обязанности дежурных входило поддержание костра, приготовление пищи, мытье посуды, уборка территории лагеря.

Алексею это даже нравилось, хотелось почувствовать себя в другой семье, попробовать другие отношения. Конечно, детей надолго никто не задействовал и они обычно были предо-

ставлены сами себе. Они ловили рыбу на закидушку, но сначала надо было поймать, а скорее просто найти и вытащить мидии. В этом были специалисты Алексей и Димка Хлуденев. Они ныряли, благо, что глубина в бухте была совсем небольшая, и вытаскивали целые хвосты мидий, отрывая их от каменистого дна. Потом ракушки вскрывались ножом, и вся компания насаживала розовые внутренности и белые мускулы мидий на крючки. Леску с мощным грузилом на конце, это и была такая удочка – закидушка, забрасывали метров на сорок-пятьдесят в бухту. Камбала брала почти сразу, если наживка прилетала ей почти к носу, и потом сопротивлялась так, что, казалось, ты тащишь монстра килограммов на десять. Однако попадались прибрежные особи всего на кило-полтора, но это тоже были крупные «лапти», и они очень ценились. Обычно такая камбала вся целиком влезала на большую сковороду и тут же жарилась в масле на обед.

Попадалась и крупная красноперка, правда, реже, но, если она брала, тащить ее было легко, она почти всегда заглатывала наживку глубоко и уже не сопротивлялась и давала спокойно себя вытащить. Она шла, как правило, на уху, однако и жареная тоже была очень вкусная.

Дядя Женя Хлуденев смастерил из сетки бредень, и они с отцом Алексея сделали пробный заход метров с двадцати от берега, вдвоем протащили бредень и с трудом выволокли его прямо на берег. Оказалось, что среди кустов морской капусты, ракушек и всякого морского мусора было множество креветок, которых все называли «чилимами», они скакали с места на место, пришлось их всем скопом собирать в ведро, набралось прилично – с полведра. Дядя Женя развел костер прямо на берегу и поставил на него ведро с чилимами и морской водой. Через час с небольшим компания доставила в лагерь, ко всеобщему удовольствию, полведра красных вареных креветок.

Этот опыт выживания в родной природе Алексей запомнил на всю жизнь, хотя повторить ему это удалось всего несколько раз в жизни.

Поселок Мелководный, который располагался недалеко от бухты, был малонаселен – несколько дворов, почта, совмещенная с магазинчиком, и сельсовет. Алексей с ребятами облазали всю местность и набрели на заброшенное здание с надписью «Школа», дальнейшее исследование привело их в школьный сад, где в сплошных зарослях крапивы и прочих сорняков висели уже спелые смородина, малина и крыжовник. На следующий день в школьный сад выдвинулась группа женщин со всеми детьми на сбор урожая, и лагерь на несколько дней был обеспечен свежей ягодой.

Так летели ночи и дни похода. Жак тоже был счастлив, как и его хозяева, носился целыми днями с Алексеем, ночами спал в ногах у Марковых у входа в палатку. Он нес свою службу строго, всегда рычал, если кто-то проходил мимо палатки, и охранял покой семьи очень чутко.

Однажды среди ночи Жак зарычал сначала громко, да так, что Кирилл с сыном проснулись, зашикали на него, мол, чего попусту шуметь, всех же разбудишь! Однако Алексей заметил, что Жак попятился на него задом, потом спрятался у Алексея под одеялом, и даже в темноте Алексей почувствовал, как трясется его маленькое тельце. Алексей сказал отцу, что псина чего-то испугалась, наверное, в темноте чего-то перепутала. Отец высунулся из палатки, покрутил головой туда-сюда.

– Посмотрю, может, кто чужой к лагерю приблизился. Да вроде никого! Давайте спать! – предложил всем снова укладываться спать.

Однако утром Алексей был разбужен громкими разговорами взрослых, вылез из палатки и увидел, как все разглядывают на земле возле костра и палаток кучу странных следов. Потом оказалось, что продовольственный склад их разграблен, выпотрошена полностью кастрюля со вчерашним вареным мясом для супа и разорван мешок с копченой колбасой, везде были следы большой лапы, почти собачьей.

Алексей спросил:

– Какая-то огромная собака, что ли, здесь похозяйничала?

Взрослые переглядывались загадочно и помалкивали. Потом папы Кирилл, Евгений и Владимир, самые старшие из мужчин, ушли в поселок, а отец Виктории, второй девчонки в их детской компании, Виктор Павлович, тихо сказал:

– Ой, ребята, боюсь, это посерьезнее будет даже медведя! Это, похоже, тигриная лапа везде отпечатана.

И тут Алексей вспомнил, как испугался чего-то или кого-то его Жак, как тряслось его тельце. Уссурийский тигр! Неужели он нами заинтересовался?! Мужчины, уходя, строго-настрого приказали никому не покидать лагерь, развести костер посильнее и ждать их возвращения!

В тот день все были очень возбуждены, график дежурств сломался, мама Алексея с Людмилой готовили еду на всех, рыбалка была отменена, отсиживались вокруг костра и тревожно обсуждали новость. Мужчины вернулись из поселка: оказалось, дня два назад тигр задрал в деревне козленка на свободном выгуле, наследил много, поэтому из района вызвали специалистов, которые порекомендовали всю живность убрать в дома и не выходить по ночам. Сказали, что тигр обычно летом не нападает на человека, еды ему хватает, однако здесь был случай неординарный. Следующий день провели в тревоге, днем прибыл катер пограничников, все собрались в поселке на собрание. Оказалось, что совсем недавно была задержана японская шхуна в территориальных водах России, в трюме был обнаружен большой уссурийский тигр. Шхуна была арестована, и на следствии было выяснено, что второго тигра они не смогли поймать и усмирить, тигр ранил японского охотника, ударил его лапой прямо в лицо, не подпускал никого к себе, а только лизал кровь и выедал лицо незадачливого японца, после чего скрылся в чащобе. Пограничники предупредили, что тигр, попробовав человечины, может напасть снова.

Среди детского коллектива моментально возникла идея поставить острые деревянные колы вокруг лагеря и дежурить по ночам, однако дядя Женя Хлуденев показал кулак и громко сказал:

– К сожалению, риск очень большой, тигр может вернуться в лагерь, будем собираться домой, завтра рейсовый катер нас заберет отсюда во Владивосток!

Ночью мужчины дежурили по двое с топорами и факелами у костра, ночь была тревожной и тягостной. Алексей с ребятами выпросили разрешение ночевать в одной палатке и не спали, обсуждали возможные варианты развития событий. Неожиданно совсем рядом, как им казалось, где-то за ближними кустами, раздался громкий выстрел, мощный звериный рык, затем второй выстрел и третий, послышался шум ломающихся веток, потом все затихло. Сашка с Димкой выскочили из палатки, снаружи оказались уже все мужчины, крикнули Алексея и Серегу. Алексей сидел с Жаком, позвал его:

– Пошли, Жак, гулять, пошли!

Однако собака сидела как вкопанная, не двигаясь с места ни на миллиметр.

Ребята примкнули к костру. Уже небо посерело, было полпятого утра. Сидели молча, пили чай с бутербродами, смотрели на огонь, медленно наступало утро, никто, конечно, не спал. Когда начало рассветать, неожиданно на тропе появились две фигуры в плащ-палат-

ках, в одном узнали местного милиционера, а второй был незнаком, в спецодежде на ремнях и с оружием.

– Всех приветствуем! Отбой тревоге! Вот спецы работали ночью, поступило разрешение уничтожить зверя. Мы сразу к вам, предупредить, что опасность миновала, зверя уже увезли в Преображение на охотбазу познакомить собак ну и всем охотникам показать! Так что можете спать спокойно! – местный участковый, улыбаясь, хлебнул предложенного чайку, снял фуражку и вытер пот со лба.

– Вот знакомьтесь: Виктор, профессиональный охотник, зверобой.

Виктор молча пожал мужчинам руки, от чая отказался. Минут через пять встал, показывая всем своим видом занятость, и коротко бросил:

– Приятного отдыха, пошли, Михалыч, времени нет!

Обе фигуры почти бесшумно удалились по тропе в ближний лесок. Тут женщины наперебой начали обсуждать, что, мол, другого способа не было, обязательно убивать надо было? На что отец Алексея веско сказал: не нам судить, они специалисты, зверобои, благодаря им мы можем отдыхать дальше по расписанию еще четыре дня.

Ну какой тут отдых! Взрослые наперебой начали обсуждать варианты, однако дядя Женя Хлуденев просто сказал:

– Давайте проголосуем. Дети не считаются!

На что мальчишки хором заорали: как не считаются, они тоже будут голосовать. Вылезли из палатки две девчонки – Виктория и сестра Алексея Людмила с вопросами: что здесь происходит? Марков старший сказал как отрезал:

– Эй, ну-ка цыц! Когда будете самостоятельно зарабатывать, тогда и голосовать будете!

В общем, конечно, проголосовали за отъезд сегодня, как и договаривался Хлуденев-старший, а это означало, что в 15:00 надо грузиться на моторную лодку от причалов поселка. Все приуныли, а потом как-то успокоились, начали собираться, ломать палатки (то есть собирать их, снимать крепления), собирать рюкзаки и баулы, сворачивать лагерь, даже Жак вдруг появился и начал скакать от радости, что пошла какая-то движуха. Как будто он понял слова участкового, что его лютый враг теперь повержен и можно выходить из укрытия.

Когда Алексей с отцом сломали их палатку, в так называемой прихожей задрался палаточный полик и на влажной земле открылся отпечаток тигриной лапы, огромной, страшной. Жак вдруг прыгнул на этот след и громко залаял, пригнув задние лапы, вздыбив шерсть на загривке. Отец Алексея громко сказал:

– Смотрите, он все-таки здесь был! Как я зверюгу эту не заметил, я же вылезал осмотреться из палатки! Фу, Жак, кончай лаять, его уже нет!

– Господи, как он только в вашу палатку не залез?! – тут же запричитали женщины, только мама Рита Маркова молчала, ее глаза, широко раскрытые, говорили сами за себя, мол, просто слов нет!

Уже на катере обстановка разрядилась, и Кирилл Константинович много шутил, собравшиеся громко смеялись, туристы угощали пассажиров вареными чилимами, которых оставалось еще много с позавчерашней ловли. Алексей сидел в кожаном кресле в салоне для пассажиров, а Жак забрался ему на колени, время от времени поднимал голову и смотрел ему прямо в глаза, как бы говоря: «Я же не очень виноват? Я очень испугался? Ну ты видел, какая лапища отпечаталась?» Алексей гладил собаку по голове и говорил:

– Ты хороший пес, хороший, ведь ты его отпугнул своим лаем, а то бы он еще и отца нашего задрал!

Аут

Вообще, семья Марковых была очень спортивная, все ходили на лыжах, катались на коньках, у отца были старые беговые коньки, на которых он любил гонять на катке стадиона СКТОФ, что был совсем рядом с их домом на улице Спортивной.

Летом ходили в походы и почти каждое воскресенье, когда получалось, всей семьей – и папа, и мама Рита с Алексеем и маленькой Людмилой – играли в бадминтон на специальных спортивных площадках – кортах. Алексея научили играть почти с четырех-пяти лет, ставили на корт в пару, конечно, с отцом, который играл лучше всех. Папа Марков всем натягивал струны на ракетки, наматывал специальную кожу на рукоятки и особое внимание уделял воланам. Его воланы имели натуральное оперение, они очень ровно летали и очень ценились всеми игроками в бадминтон. Где он их доставал, было его фирменным секретом.

Играли в большой компании друзей семьи по воскресеньям на кортах пансионата «Океанский». Обычно приезжали туда рано утром на электричке на станцию Океанская, по дороге в пансионат покупали свежайшие, только-только из кипящей масляной ванны чебуреки на перекус и шли пешком на территорию пансионата. Было несколько семейных пар, приезжавших пораньше на машинах, они уже были на месте и встречали шумно. Все обнимались как добрые друзья, перекидываясь шуточками, готовили площадки, неторопливо переодевались в спортивную форму, разминались, пили утренний чай и кофе из термосов.

Площадок-кортов для бадминтона всего было две, но сделаны они были очень качественно. Надо было только размести мусор и листья, подтянуть сетки, если было необходимо, и начиналась игра. Играли часа два-три, менялись парами, играли и одиночные партии, отец играл очень неплохо, на самом деле лучше всех. Когда он вставал в пару с Алексеем, они всегда выигрывали. На корте ни друзей, ни сыновей уже не было, и папа Марков строго ему выговаривал, когда Алексей пропускал воланы или играл в аут. На кортах спорили до хрипоты, когда воланчик падал на линию или очень близко к ней, то есть «аут» был или «поле». Зато потом, после игры, красные и потные, долго обсуждали классные удары и промахи, свои и чужие.

Почему родителями был выбран бадминтон, Алексей не знал, но ему этот спорт нравился, и он с удовольствием познавал все тонкости этой игры. Отец иногда предлагал ему играть одиночку, однако долгое время шансов у Алексея на выигрыш у отца не было.

Отец учил его тактике, учил разным ударам. Шло время, Алексей постепенно набирался сил. Как-то, когда ему было уже двенадцать, он впервые выиграл одиночную партию у старинного друга семьи Марковых – врача-педиатра Семена Аркадьевича Пучинина, человека, которому было уже за сорок, с небольшим животиком, но очень быстрого и тонко чувствующего игру. За него всегда очень эмоционально болела его супруга, двадцатисемилетняя красавица с красивыми ногами и пухлыми губами. Алексей слышал, как его родители обсуждали его супругу Надежду за ее вздорный и ворчливый характер, что сама не играет, даже никогда не пробовала, а мужа всегда активно критикует и делает это при всех и что такой неравный брак до добра не доведет.

Вот и тогда она кричала:

– Ну давай же, толстяк, тебя гоняет мальчишка!

Семен Аркадьевич очень расстраивался, нервничал и проигрывал подачу за подачей.

– Ты вообще играть не умеешь, что ли?! – Надежда вскакивала со скамейки и подходила близко к корту.

– Наденька, ну что ты так переживаешь, я же стараюсь! Наверное, сегодня не мой день, – извиняющимся тоном говорил Семен Аркадьевич.

Алексей ухватил в тот день свою тактику игры с Семеном и гонял его по корту из угла в угол. Пару раз получилось пробить мертвые смэши (сильный и резкий удар сверху вниз по высокому волану), которые Семен Аркадьевич даже не пытался взять. Алексей почувствовал в себе новые силы, которые, по-видимому, означали его новую форму готовности. После логичной победы он пожал руку Семену Аркадьевичу и сказал от души:

– Большое вам спасибо, извините, если что…

– Брось, Лешка, ты сегодня играл просто очень сильно! Молодец! – сказал Семен Аркадьевич, собрал вещи и быстрой походкой пошел на выход из парка. Надежда засеменила своими красивыми ножками в короткой юбке за ним, не поспевая.

– Расстроился Семен! – сказал папа Алексея.

– Да, похоже, недолго они будут вместе! – добавила мама Рита и пригласила Алексея в пару играть против отца с его коллегой по заводу Евгением Хлуденевым. Тогда они с мамой проиграли, но Алексей так выложился в партии с Семеном, что у него тряслись руки и потерялась точность.

На очередные выходные в конце августа стояла жаркая летняя погода, было, как водится, во Владивостоке летом, очень влажно. Собрались опять на Океанскую в бадминтон. Когда пришли на корты, оказалось, что приехали только Хлуденевы и Марковы, Семен Аркадьевич так и не появился. Кирилл Константинович предложил всем поразмяться и поиграть турнир одиночных партий. На том и порешили. Мама Рита играть отказалась, сказала, что будет судьей. Таким образом, играли Алексей, его отец Кирилл, Хлуденев-старший и его жена Ирина. Братья Хлуденевы, Димка и Сашка, были друзьями Алексея, не играли в бадминтон и болели, конечно, за него и немного за своего папочку.

Начали играть. Первые партии показали силу Кирилла Маркова, он вынес и дядю Женю Хлуденева, и его жену, причем довольно легко. Играли по три партии до 15 очков. По жребию Алексей первую игру играл с Хлуденевым-старшим. Он настраивался очень долго и потом, применяя тактику игры с Семеном Аркадьевичем, начал бодро выигрывать подачу за подачей. Однако Евгений Иванович не хотел сдаваться просто так и начал сопротивляться, переигрывая Алексея на своих подачах. Когда счет по партиям сравнялся и стал 1:1, начали короткую «контровую», то есть решающую партию до 11 очков. Димка с Сашкой бесновались на скамейке и орали при каждом очке и у Алексея, и у их отца. Алексей вытащил ее на кураже 11:7. Евгений Иванович сказал, пожав ему руку:

– Ну все, Лешка, ты стал настоящим бойцом! Поздравляю! – Алексей пожал протянутую руку до хруста в ладони и только кивнул: спасибо!

Потом посмотрел на отца, который набивал воланчик в вертикальном полете и, казалось, не смотрел даже на корт. Дальше Алексей должен был играть с отцом, а потом с Ириной Хлуденевой. Неожиданно Кирилл Марков предложил:

– Может, вы сыграете с Ириной не по очереди, пока я схожу в туалет в санаторный корпус?

Алексей вдруг заартачился, он, конечно, хотел сохранить силы для сражения с отцом, а Ирина поддержала:

– Ну сколько тебя не будет? Подождем, пусть Лешка отдохнет!

Мама Рита Маркова тоже высказалась за Алексея, и отец ушел. Его не было довольно долго. Дядя Женя предложил Алексею, чтобы совсем не остыть, постучать смэшем по его длинным навесным подачам, что Алексей и делал вплоть до прихода отца.

Начали играть, и Алексей проиграл первую партию 11:15. Он сильно расстроился и решил посидеть с мамой на скамейке и подышать. Она сказала ему тихим голосом:

– Успокойся, сегодня ты выиграешь.

Во второй партии Алексей вел в счете несколько раз и выиграл уже по схеме «на больше – меньше» 16:14! Пошла третья партия, и отец вдруг стал нервничать и несколько раз громко оспаривал свои удары в аут:

– Да я попал в поле, вы что, не видели?! Ну посмотрите на точку отскока! Вот же – упал в поле, мое очко!

Все собирались в месте падения воланчика и всматривались в точку отскока. Пару раз отец выспорил, а Алексей был уверен в ауте, он смотрел на точку падения волана и видел,

что был аут. Иногда отец со скрипом соглашался с мнением большинства. Алексей негромко предложил: может, пусть дядя Женя Хлуденев встанет и посудит? Хлуденев согласился, отец немного поворчал, но игра продолжилась. Алексей вел в счете 9:4, ситуация накалялась, и отец спорил теперь при каждом неявном падении волана.

При счете 10:5 отец Марков подавал и выигрывал, потом давил подачу Алексея, доведя счет до 10:10. Теперь Алексей был разобран – ведь так близко был к своей первой победе над отцом – и вот тебе на! Начали играть на больше – меньше, счет 11:11, потом 12:12, 13:13,14:14! При счете 15:14 в пользу Алексея ему выпало подавать и он подал неожиданно высокую дальнюю навесную подачу. Отец вынужден был отступить несколько шагов назад и с трудом отбил ее, как в это время Алексей уже был готов и сыграл сильнейший смэш в угол. Волан упал прямо на линию (считается в поле) и отвалился в сторону. Алексей поднял ракетку вверх и заорал:

– Партия! Я выиграл!

Отец же заорал:

– Аут! Аут!

А Хлуденев спокойно произнес:

– Поле! Партия! Игра за Алексеем Марковым!

У Алексея запершило в горле, голос сразу сел, он понял, что выиграл и выиграл у кого – у самого отца!

– Был аут! Все видели! – отец апеллировал к зрителям, которые тоже занервничали и орали каждый свое. Все сбежались смотреть отметку волана на половину корта к Маркову-отцу. Алексей крикнул, что точно видел, что волан попал в площадку, а точнее, в линию, что одно и то же! Он просипел это в общем шуме, но никто на это не обратил внимания. Создалась невообразимая суматоха. Хлуденев громко сказал, что если его выбрали судьей, то обязаны его слушаться. Он считает Алексея победителем этой встречи. Но отец Марков кричал, что отметки волана нету, поэтому спорный мяч и надо переиграть подачу. Видно было, что он ни за какие коврижки не признает поражение от сына.

Алексей на переигровку не соглашался, а дядя Женя, видимо, не желая портить отношения с отцом, отказался дальше судить и сел на скамейку, отец протянул волан Алексею и коротко бросил:

– Давай подавай, ну спорный мяч же!

Алексей чуть не заплакал, заслуженная победа не получилась. Слезы брызнули из глаз. Делать нечего, пришлось подавать еще раз. Он подал, отец сразу забил в угол первым же ударом, Алексей уже не мог реагировать.

– 15:15, продолжаем на больше – меньше! – Настроение у отца Маркова поднялось!

– Ребята, предлагаю записать ничью, – мама Рита пыталась сгладить конфликт.

– Нет! Играем дальше, до победного!

В голосе отца Алексей уловил знакомые стальные нотки, и у него все как-то враз расстроилось! Он не взял подачу отца и проиграл свою. Не пожимая его руки, он пошел к скамейке, у него потекли слезы ручьем, он сел, опустив голову.

– А я говорю, был аут! – Кирилл Константинович упаковал ракетки в чехол и, взяв спортивную сумку, пошел в корпус принимать душ и переодеваться. Продолжать турнир после этого уже не стали, разъехались по домам. Больше они в бадминтон не играли, а через год Алексей поступил в Суворовское училище и уехал из родительского дома насовсем.

Цель

Глава 1. Первые шаги

Почему Алексей Марков после окончания восьмого класса средней школы подался в Суворовское училище, он сам плохо понимал. С детства он помнил, когда отец приходил домой со службы, все было подчинено только его желаниям. Мама суетилась вокруг него, кормила, а Алексей сидел за столом и слушал их негромкий разговор. Служебный китель отца источал неведомые ему тогда запахи стали и краски, смешанные с запахами моря и свежего морского воздуха.

Его звание звучало капитан-лейтенант, а должность – командир БЧ-5 (боевая часть №5 – электромеханическая команда), это завораживало, будило в воображении картины трудной морской службы. Семья Марковых жила тогда на Русском острове, что вблизи Владивостока, в служебной квартире военного городка, в небольшом доме из красного кирпича, построенном пленными японцами. Мимо частенько строем проходили матросы, которым старшина командовал в такт:

– Р-раз! Р-раз! Р-р-раз, два, три! Подтянись!

Алексей с отцом частенько ходили купаться на пирсы, вдалеке виднелись шаровые (покрашенные серой шаровой краской) корпуса катеров и тральщиков. Народу тогда на Русском острове было мало, только офицерские семьи. Остров в те времена был закрытой территорией для посещения гражданских и жил своей отдельной флотской жизнью. По субботам объявлялась большая приборка (это просто уборка всего и везде), на улице матросы мели улицы и тротуары, весной красили бордюры белой краской, играла музыка из репродукторов, настроение было у всех приподнятое. В семье Марковых тоже было весело, потому что у папы в субботу был короткий день. Несмотря на это, в квартире тоже должна была производиться большая приборка и каждый знал свой маневр. С малолетства Алексей привык, что мыть палубу (то есть пол в квартире) надо было на два раза: сначала мокрой ветошью (тряпкой), а потом хорошо выжатой ветошью уже начисто. Переборки (стены квартиры) никто не трогал, так как на них были наклеены желтые в полоску обои, а подволок (потолок) два раза в год – весной и осенью – белился, чтобы выглядеть чистеньким. Поэтому и будущее Алексея просматривалось семьей на военно-морском флоте, хотя он не помнит, чтобы отец об этом прямо высказывался.

Папа вообще любил выражаться по-флотски, и Алексей до сих пор помнил эти слова, вросшие в его мозг навсегда: харчить (есть, принимать пищу), гальюн (туалет), пехотинцы (бестолковые люди, рохли), баночка (стул), каюта (комната), камбуз (кухня), драить (чистить, мыть) и так далее. Папа все умел, и всегда у него был ответ на любой вопрос. Все в его жизни, а соответственно, и в семье Марковых было подчинено определенному распорядку.

Алексея это не напрягало, а иногда даже нравилось, когда каждую зиму они обязательно ходили на лыжные прогулки, катались на коньках, а летом летали на самолете к родителям отца в станицу Голубицкую в Краснодарский край, купались в Азовском море.

Там, в Голубицкой, была отдельная жизнь, когда маленький Алеша много времени проводил с дедушкой Костей и его собаками. Константин Иванович Марков, дедушка по папиной линии, был известный собаковод и вырастил немало служебных восточноевропейских овчарок для милиции, за что имел благодарственные грамоты. Мамаша этих щенков тогда была еще жива – умнейшая собака по кличке Волна.

Дедушка выпускал Алексея с ней на прогулку и говорил всегда именно ей, Волне: мол, смотри не потеряй его, ну то есть Алексея. И она вела его по своему маршруту по станице, а он гордо вышагивал, ведя ее на поводке, хотя понятно, что это его она выгуливала, присматривая, чтобы он не выпустил поводок и не потерялся.

Как-то однажды ночью на Русском острове случилась большая суматоха, и папа сорвался, как потом выяснилось, по тревоге. Был срочный выход в море, так как в залив Петра Великого зашла американская подводная лодка, нарушив государственную границу. Двое-трое суток его не было, потом очень поздно он вернулся домой усталый, очень грязный, в машинном масле и пахнущий мазутом. Оказывается, на корабле на ходу отказал один из дизель-генераторов, и они всей машинной командой его чинили. Ведь БЧ-5 – это электромеханическая часть, отвечающая за работу всех механизмов на корабле, а его отец был командиром этой электромеханической части на своем тральщике.

Отец был немногословен, рассказывал мало, но Алексей понимал, что не все можно рассказывать даже семье. Однажды в воскресенье он взял их с мамой на свой тральщик, там было много гражданских – семьи и знакомые, был день открытых дверей, и они долго ходили по тесным проходам, запинаясь о высокие комингсы – такие специальные пороги у дверей, стукаясь иногда головой о выступающие трубопроводы и вентили.

Попав в папину каюту, Алексей сначала даже не понял, что здесь живет в плавании его отец, такая она была крошечная! Правда, другие оказались еще меньше, там почти везде жили по двое, по трое моряков, а в матросском кубрике так и вообще ввосьмером.

Одноместные же каюты были только у командира тральщика, командира БЧ-5 и командира БЧ-1, главного штурмана корабля. Алексей узнал эти запахи, именно их отец и приносил домой: запахи металла, краски, машинного масла – и свежего хлеба! Да-да, всех пригласили в кают-компанию офицеров, где очень приятный командир корабля капитан 2 ранга Безусов Александр Иванович угощал флотским борщом, макаронами по-флотски и, конечно, флотским компотом со свежеиспеченным хлебом. Казалось, ничего вкуснее этого хлеба Алексей никогда не ел.

Интересная вещь – память, она записывает некоторые события, вкусы, запахи глубоко под корку, а некоторые не записывает вовсе или просто стирает навсегда…

Спустя много лет Алексей помнил такие слова, как пуля, мизер, бомба, а став постарше, он понял, что это словечки из преферанса, карточной игры интеллектуалов и офицеров. Отец очень любил преферанс, и компания игроков из близких друзей и знакомых семьи часто собиралась по субботам на кухне и в сигаретном дыму, попивая коньячок, как они говорили, расписывала пулю. И это действо тянулось до середины ночи.

Шли годы, и отца перевели военпредом на судоремонтный завод в бухте Улисс, и семья переехала в коммунальную квартирку, всего в одну комнату, в Диомиде, так назывался район Владивостока, что располагался на берегах бухты Диомид. Соседями у них была семья старшего механика с китобойной базы «Советская Россия», которая занимала целых две комнаты. Тогда же Алексей попробовал мясо кита и краба, ему очень понравилось. Собственно, тогда же сосед дядя Саша и подарил Марковым сапожную ложку, сделанную мастерами китобойной базы из китового уса. В Диомиде родилась сестра Людмила, причем Алексей точно помнил, что, когда его спрашивали, как назовем сестру, имя Людмила было именно его выбором. Через какое-то время семья переехала на улицу Спортивную в дом №9, где маме дали двухкомнатную квартиру в четырехэтажном кирпичном доме, называемую в народе «распашонкой». Папа служил на номерном судоремонтном заводе военным представителем, мама писала диссертацию, Алексей пошел в первый класс, и это, похоже, было началом его осознанного пути.

Каждое утро Алексею надлежало пробежать три круга по двору, а потом обливаться холодной водой, стоя в ванне. С самого начала эта экзекуция была ему не по нутру, но приходилось терпеть. Отец не хотел даже и слышать возражений, и Алексей поначалу очень стеснялся, когда бежал по утрам зимой и летом, когда дворничиха причитала:

– Ой, опять Лешеньку бежать на улицу выгнали!

Но отец был непреклонен, и, когда подросла Людмила, она бегала с Алексеем, только на круг меньше. Во дворе говорили: вон Марковы опять бегут! Когда они выросли, они поняли,

что к чему, зачем обливания, и бег по утрам, и все такое! Но тогда, в детстве, они делали это из-под палки.

Отец работал военпредом по гражданскому графику, рабочее время было отмерено, как у всех – с 8:00 до 17:00, все нормализовалось, боевых тревог на заводе не было. Мама защитила докторскую диссертацию, а ей еще не было и сорока лет, возглавляла онкологическую кафедру в медицинском институте, семья зажила стабильно и сыто.

Отец никогда не заговаривал с детьми о будущем, как будто само собой подразумевалось, что Алексей пойдет по его стопам, а он и не возражал. Они только раз поговорили, что дорога в высшее военное училище может лежать через Нахимовское или Суворовское училище, где ребята проходят серьезную двухлетнюю подготовку и после его окончания легко поступают в «вышку». Мама выяснила, что совсем рядом, в Приморском крае, есть Уссурийское суворовское училище, предложила: может, туда? Разговоры разговорами, а стало ясно, что к военной службе надо готовиться.

Отец научил Алексея грести на весельной лодке. Он помнил первые кровавые мозоли, которые сразу появились от отсутствия навыка гребли, однако папа спокойно отреагировал на его испуганный взгляд на окровавленные руки – до свадьбы заживет!

Они с отцом ходили на шестивесельном яле (шлюпка для шести гребцов и одного рулевого) под парусом, что приводило Алексея в какой-то первобытный восторг. На поворотах папа, сидящий на руле, как и подобает командиру шлюпки, закладывал крутой галс (путь движения парусного судна с поворотом).

Иногда черпали бортом воду, сотни брызг обдавали всех сидящих в яле матросов и Алексея, полное удовольствие, смешанное со страхом попасть в оверкиль (опрокидывание шлюпки на крутом повороте вверх дном).

Конечно, именно отец научил его не бояться и любить море, а также многим практическим жизненным навыкам. Часто всей семьей, с друзьями они отправлялись в походы по ост-

ровам Рикорда, Попова, Рейнике, где ночевали в палатках, ловили рыбу, купались, отдыхали. Отец научил Алексея правильно разжигать костер, ставить палатку, организовывать, а точнее, разбивать лагерь. Все члены семьи ныряли с ластами, масками и трубками (сейчас этот способ ныряния называется снорклинг) за мидиями, трепангами и гребешками, которых в те времена водилось огромное количество и их вылов был не запрещен. Наловив в сетку гребешка, рассаживались вокруг костра и терпеливо ждали, когда раковина на огне вспухнет и откроется, тогда вырезали острым ножом самой вкусное – мускул гребешка, распахивали раковину полностью, остальные внутренности аккуратно складывали в баночку – они годились на наживку, ведь на гребешок брала и крупная камбала, и красноперка, а потом ели белый мясистый, чуть сладковатый гребешковый мускул, обильно полив выжатым лимончиком – полный улет!

Так летели школьные годы, и после окончания восьмого класса Алексей самостоятельно решил поступать в ближайшее к Владивостоку Суворовское училище, и неожиданно для его одноклассников и для родителей он поехал в Уссурийск, что в ста километрах от Владивостока, прошел медкомиссию, сдал экзамены и поступил в Уссурийское суворовское училище.

Лишь одно событие тех времен перевернуло его жизнь навсегда – умер отец. Он так и не узнал о поступлении Алексея в СВУ. В семье, где мама была доктором наук и практикующим врачом, где всегда была гора медикаментов на разные случаи, Кирилла Константиновича спасти не удалось – обширный инфаркт миокарда.

Алексей уже был зачислен в Суворовское училище и участвовал в первичных сборах курсантов-суворовцев. Неожиданно его вызвали к начальнику училища. Алексей прибыл со своим классным офицером в кабинет к начальнику, где ему и сообщили эту новость. Ему первому из всего набора выдали черную с красными лампасами суворовскую форму и отпустили в отпуск на трое суток для участия в похоронах.

Алексей ехал в рейсовом автобусе во Владивосток и понимал, что с этого момента ему придется принимать все решения в своей жизни самому, и вдруг поймал себя на мысли, что почему-то не сильно огорчен этим обстоятельством.

Глава 2. Яхты. Море. Пароход

Алексей Марков оканчивал Уссурийское суворовское военное училище с одной четверкой по химии, и ничего нельзя было с этим сделать. У него не заладились отношения с химичкой с самого первого урока еще два года назад. Наталия Александровна была маленькой, очень симпатичной молодой женщиной с красивыми ногами и прекрасной фигурой, по крайней мере, так казалось всему 4-му классу 2-й роты. На каком-то из первых уроков она привела класс на лабораторные занятия в химический кабинет, построила всех вдоль стены и нудным менторским голосом начала урок. По стройному ряду курсантов пошли небольшие смешки и разговоры, мол, могла бы и посадить нас за столы. Очень смешно смотрелась маленькая учительница химии с указкой в руке, шагающая вдоль строя высоких и не очень, однако все равно выше нее курсантов. Такая маленькая «Наполеоночка» выходила. Но это ведь военное училище, и она, – зная, что все понимают дисциплину, а она здесь командир, – скомандовала:

– А ну-ка, смирно!

При этом она ударила сгоряча указкой по ноге, указка треснула и сломалась, да так, что зацепила нейлоновый чулок Наталии Александровны, на котором сразу образовалась приличная дырка. Она отбросила в сердцах обломки указки в сторону мусорного ведра, но прочная (тогда советская) нейлоновая нитка, зацепившись за обломок деревянной указки, распустила практически весь чулок от колена, оголив красивую ножку, но больно уж все это выглядело нелепо, и народ, не выдержав, заржал.

Химичка выбежала из лаборатории. Алексей был старшиной класса и зашикал на товарищей, мол, нехорошо вышло, но вроде мы ни при чем, поэтому пойду успокою и верну учителя в класс. Он выскочил в коридор учебного корпуса и заглянул в ближайшую приоткрытую дверь, это была кладовая химических реактивов, всяких химических банок и склянок. Дернул дверь на себя и влетел в кладовую. Этот миг он запомнил навсегда! Наталия Александровна стояла босиком на куске картона совсем без юбки, вернее, в юбке, которая была задрана вверх, и снимала второй чулок!

У Алексея перехватило горло, и он не мог вымолвить ни слова, просто стоял и смотрел на ее красивое тело и ноги. Она повернулась к нему всем телом и с перекошенным от гнева лицом прошипела:

– Чего еще тебе надо?!

В общем, тогда все улеглось каким-то образом, но лично Марков получил за первую четверть конкретную тройку, потом опять тройку, химичка не простила ему конфуза, а в итоге в аттестат Алексей еле выторговал четверку, хотя очень надеялся на золотую медаль, но не получилось!

Положение о Суворовских военных училищах (СВУ) в те времена гласило, что выпускников, кто желал продолжать обучение в танковых, общевойсковых (пехотных), артиллерийских и прочих армейских военных вузах, зачисляли в эти вузы прямо во время выпуска из Суворовского училища. Их переодевали сразу в курсантскую форму того вуза, который они выбрали, отправляли в отпуск, а потом курсанты сразу отправлялись на учебу.

Алексей Марков и еще несколько выпускников из его роты изъявили желание поступать в Тихоокеанское высшее военно-морское училище им С. О. Макарова во Владивостоке. Им предстояло сдать вступительные экзамены на общих основаниях и только в случае зачисления отправиться в отпуск, а потом прибыть в училище на учебу. Все эти перипетии Марков со товарищи преодолели успешно и с сентября начали обучение в военно-морском училище.

Особо Алексею повезло в отпуске, он остался в городе. Стояла августовская жара, и он часто ездил на городские пляжи и однажды встретился со старым знакомым отца, Виктором Павловичем, который остановил юношу со словами:

– Алексей?! Марков?! Ну, ты и возмужал! Еле узнал тебя!

Они не виделись с самих похорон отца Маркова, который два года назад неожиданно умер от инфаркта.

– Пошли с нами на яхте, пройдемся по заливу два-три часа, искупаемся, если захотим, в чистой водичке… – Имелся в виду Амурский залив.

– Да я ничего не умею на яхте… – Алексею было страшновато, но при этом очень хотелось попробовать себя на парусном судне.

Яхта у Виктора была, так, по крайней мере, показалось Алексею, огромной деревянной красавицей старого немецкого проекта, еще довоенной постройки, краснодеревая, одномачтовая, с вместительным кокпитом – пространством для яхтсменов, где были несколько сидений с мягкими кожаными подкладками и местом рулевого. Название у яхты было тоже романтическое – «Виктория», она была названа в честь дочери первого владельца яхты, а Виктор Павлович сказал, что, когда яхта ему досталась, не стал ее переименовывать. Ступать в обуви на палубу было категорически запрещено. Снимали кроссовки на трапе и босиком шли по блестящей от лака деревянной палубе. Только Алексей ступил на палубу и соскочил в кокпит, из кубрика выглянула русоволосая девушка и тихим голосом сделала ему замечание:

– На лодке не принято прыгать, можно соскользнуть за борт. Надо аккуратно переступать.

– Вика, не приставай к человеку, он первый раз на лодке! – Алексей смутно вспоминал, кто это, дочка Виктора вроде была еще маленькая…

– Ну, что застыл? – Виктор подтолкнул легонько Алексея к ней. – Это же Виктория, наша с Ириной дочь, ты что, не узнал ее?

Да, это была Вика, когда-то маленькая, нагловатая и визгливая девчонка, с которой он виделся лет десять назад на каком-то семейном мероприятии. Теперь же перед ним стояла улыбающаяся загорелая русоволосая девушка в коротеньких шортах и полосатой футболке. Алексей замялся, покраснел, потом подал ей руку, она ее крепко пожала и просто сказала:

– Понятно, первый раз на лодке, тогда спускайся вниз, я все тебе здесь покажу!

– Давай-давай, дочь! Отходим минут через десять! Готовьте лодку!

Алексей спустился в кубрик и увидел тетю Иру, точнее, Ирину Витальевну, жену Виктора, в оранжевом спасательном жилете. Больше никого не было. Вчетвером пойдем в море?! Алексей был неробкого десятка, но тоже надел жилет и начал вникать в нехитрые, но важные премудрости поведения ради безопасности на парусном судне. Виктория расставила всех по местам, объяснила Алексею его обязанности на отходе. Отчалили и на малом ходу под тихий рокот дизельного мотора пошли на выход из гавани. Класс! Алексей почувствовал себя на вершине блаженства. Неторопливо вышли в Амурский залив, подул ветерок, поставили паруса: грот и стаксель. Паруса пополоскали совсем чуть-чуть, потом наполнились ветром, и в полной тишине (дизель заглушили) лодка пошла набирать ход. Вот именно эти первые ощущения запомнились Алексею на всю жизнь, и именно тогда, видимо, возникла его непреодолимая тяга к яхтингу.

Крейсерская яхта типа Л-6 была предназначена и для гонок, и для морских путешествий с почти неограниченным районом плавания. Внешние борта были выкрашены в традиционный для таких лодок белый цвет и блестели на солнце, омываемые набегающей морской волной. Путешественники сидели в кокпите на штатных местах: Виктор на руле, Алексей отвечал за шкоты стакселя (это такие веревки, которые нужно было натягивать или ослаблять в нужное время или по команде капитана), Виктория отвечала за шкоты грота, а Ирина была у них на подхвате, потому как на резком крене яхты приходилось набивать (натягивать) шкоты вдвоем, в четыре руки. Шли очень ходко, изредка помахивая соседским лодкам – в выходной день в акватории было много парусов.

К концу дня погода стала портиться. Виктор уже решил возвращаться на базу, как неожиданно резко налетел северный ветер, верхушки волн пенились и срывались. Во Владивостоке

в августе это случалось нередко. Путь в яхтенную гавань лежал прямо против ветра, это для парусного судна даже очень хорошо, однако скорость снизилась, и приходилось идти галсами, пересекая линию ветра то вправо, то влево, Виктор дал команду надеть штормовые непромокаемые куртки. Оказалось, на яхте есть практически все, что может потребоваться в любой морской ситуации.

Начинало темнеть, ветер усиливался, все промокли до нитки, брызги встречного ветра и волн сделали свое дело. Стаксель пришлось скинуть, на ветру и качке Вика с Алексеем стояли на коленях на носовой палубе и пытались убрать парус в форпик, в пространство под носовой верхней палубой, иначе его бы просто смыло!

Руки сводило от непривычной нагрузки, однако Алексей не мог показать слабость и пытался изо всех оставшихся сил помогать или хотя бы не мешать. Виктор запустил двигатель, это помогло стабилизировать лодку на курсе, а когда приблизились к береговой черте, качка улеглась, ветер уже не мешал, как в открытом море, огромный город прикрывал Спортивную гавань, где обычно швартовалась яхта Виктора. Уже ближе к одиннадцати вечера на дизеле вошли в ковш Спортивной гавани и пришвартовались к причалу на свое место. У Алексея дрожали руки и колени, но было спокойно и приятно, что команда справилась и пришла в порт целой и невредимой.

– Ну что, моряк, зачислять тебя в экипаж нашей «Виктории»? – Алексей даже не мог поверить, до такой степени он боялся показаться балластом на яхте!

– Я… конечно, да… если вы считаете, что я… смогу! – Он сбивался под строгим взором Вики, глаза которой светились в сумраке кубрика игривым смехом.

– Если команда не против, принимаем Алексея Маркова матросом на яхту «Виктория» восемнадцатого августа сего года!

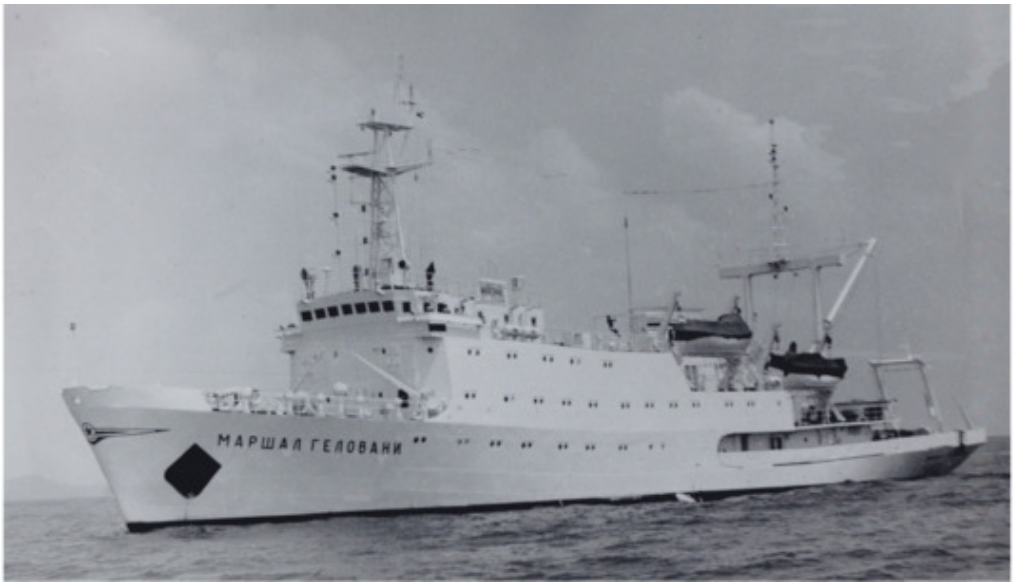
– Команда не против! Проверили парня, наш человек! Я и не сомневалась! – сказала Ирина Витальевна,

– Мы не против! – просмеялась Вика, отжимая промокшие вещи в ведро. Так и стал Алексей нежданно-негаданно яхтсменом.

Этим же летом они еще пару раз сходили в море, даже как-то с ночевкой на острове Рейнеке. Алексей освоился с обязанностями шкотового и действовал со знанием дела. Виктор Павлович хвалил Алексея за сметливость и быстрое схватывание и отработку яхтенных навыков, много рассказывал об отце Алексея, они работали с ним на номерном судоремонтном заводе в бухте Улисс почти десять лет. С Викой установились хорошие приятельские отношения, они гуляли по отдаленным пустынным пляжам Рейнеке, удивлялись, почему раньше не получалось видеться чаще. Марковы бывали раньше здесь, Алексей хорошо ориентировался на Рейнеке, знал места, где ловилась рыба, а где можно было понырять и достать трепанга или даже, если повезет, вытащить гребешка.

Алексей понимал, что в сентябре начинает учебу в военно-морском училище, а там присяга и служба Родине непонятно где и как. Он не хотел никаких обязательств, поэтому на откровенные намеки Виктории отвечал аккуратным непониманием. Вечером, когда родители Вики устроились на ночевку в палатке, они остались ночевать на лодке, благо на Л-6 места было полно.

Вика, видимо, решила взять эту неприступную крепость, пошла в атаку и разрешила себя поцеловать. Алексей, имевший уже опыт общения с дамами в Суворовском училище, маневрировал успешно, то есть поцеловал девушку, и не раз, но дальше дело не пошло, наконец усталость взяла свое, и, нацеловавшись вдоволь, они улеглись в «гробах» спать. «Гробом» назывались небольшие помещения по правому и левому бортам лодки в кубрике с мягким матрасом, уходящие под кокпит, размером ровно чуть толще взрослого человека. Поэтому Алексей залез ногами вперед в гроб правого борта и, не раздеваясь, уснул сном праведника.

Утром, проснувшись рано, он выбрался на верхнюю палубу. Погода была сказочной, жара уже под 25 градусов! Недалеко оказался на якорях белый пароход с названием «Тайга». Матросы красили белой краской борта, свешиваясь на подвесных люльках, играла музыка. Алексей засмотрелся на небольшой темно-синий флажок на мачте с каким-то черным знаком и военно-морским флажком в углу. Для него это была загадка.

Вика вышла, потягиваясь, и предложила сгонять на надувной лодке на берег, забрать родителей и вместе позавтракать. Так и сделали.

На завтрак сделали омлет на газовой плите, потом пили чай с бутербродами и вчерашними гребешками.

– Какой красавец гидрограф, встал, наверное, привести себя в порядок, подкрасить борта перед заходом во Владивосток! – Виктор показал на корабельный флаг: – Видишь, там, на флаге, изображен маяк и военно-морской флажок? Это означает принадлежность к ВМФ, но это судно относится к гидрографической службе Тихоокеанского флота. Я как-то года два назад участвовал в ходовых испытаниях после ремонта одного такого гидрографического судна, мне очень там понравилось. А ты где планируешь служить после училища?

Алексей даже не знал, как на это ответить, только промычал чего-то невразумительное, типа пока не знаю, определюсь позже.

– Ну, папа, ты и спросил! Он же первокурсник, чего с него взять! – Виктория мстила потихому за вчерашнее.

Виктор Павлович подробно описал, что ему удалось увидеть на гидрографе. Капитан и помощники – офицеры, как правило, выпускники училища им М. В. Фрунзе в Ленинграде, единственного вуза в стране с факультетом подготовки гидрографов, а средний командный состав и матросы – гражданские лица. Есть даже женщины, которые готовят пищу, накрывают в столовой, медики и научные сотрудники.

– Вот это точно то, что тебе нужно! – Виктория добивала Алексея за несговорчивость, встала из-за стола и направилась в кокпит готовить яхту к подъему якоря и началу движения. Алексей не отвечал на ее выпады, тоже начал готовить шкоты к постановке парусов.

Уже когда отошли от Рейнеке и пошли на бухту Славянка, где компания собиралась пособирать гребешка, Алексей еще раз завел разговоры о гидрографе. Виктор рассказал все, что знал: эти суда, а принято называть их гидрографическими судами, очень много ходят, морских задач перед гидрографией флотов стоит уйма – от контроля за запуском космических кораблей до изучения толщи вод морей и океанов в военных целях.

Марков потом не раз вспоминал эти разговоры на яхте, но особенно ему понравился сам гидрографический корабль, вернее, судно, его внешний вид и оснастка, множество антенн, катера, подвешенные на мощных талях, и вообще. Кода они снялись с якоря на «Виктории», Виктор сознательно, специально для Алексея сделал круг вокруг гидрографа, чтобы подробно его рассмотреть со всех сторон, и, когда они проходили мимо кормовой части «Тайги», две девушки на юте, кормовой палубе судна, весело смеясь, помахали им руками.

– Вот-вот, началось, помаши им в ответ, Лешенька! – Вика улыбалась и сверлила его взглядом. Ирина Витальевна грозно помахала ей кулаком:

– Ну что ты к нему прицепилась, ему через неделю на службу, считай, в тюрьму!

– Ну это ты хватила, в тюрьму! Отстаньте от парня, он стоит на пороге совсем другой жизни! – Виктор Павлович координировал беседу, но здесь Алексей неожиданно для всех перевел спокойным тоном разговор в другое русло:

– Я очень вам всем благодарен за этот мой отпуск, действительно, через неделю мне на службу, как там все сложится, я не знаю, но «Викторию» я не забуду никогда! – В этом месте Алексей поймал взгляд Вики, потом посмотрел на Виктора, который смотрел на них обоих.

– Да, за три похода ты стал уже опытным яхтенным матросом. Когда мы все теперь увидимся? – Виктор посмотрел на Викторию с укоризной. Алексей продолжал:

– Пока ветра сильного нет, я подготовлю все для ныряния!

На борту «Виктории» были два легких акваланга и полный набор всех «прибамбасов» для неглубоких погружений.

Тот яхтенный поход запомнился ему надолго, но особенно сильно именно тогда ему запала мысль: а что, если попробовать попасть после выпуска из училища служить на гидрографическое судно? Эта мысль поселилась у него в душе очень глубоко!

Глава 3. Приказано выжить

Год первого курса в училище начался стремительно с прохождения курса молодого бойца на Русском острове. В те годы остров был закрытой военной территорией, и они, курсанты первого курса, попав в батальон морской пехоты, прочувствовали всю тяготу молодого «мяса», которое попало в реальную мясорубку. Подъем в 06:00, бег два километра в сапогах (попробуй отстань!) в виде зарядки, потом скромный завтрак, потом военная подготовка, потом стрелковая подготовка (это очень интересно), где-то тут обед, потом опять физическая подготовка, потом полоса препятствий – и так по кругу! Немудрено, через неделю двое кандидатов в курсанты «выбросили белые флаги», то есть были отчислены и поехали домой.

Когда на построении им объявляли вердикт, командир полка морской пехоты подполковник Молодцов сказал:

– Мы здесь никого не держим, пока присягу не приняли, милости прошу на выход! Никто вам ничего не скажет. Есть один и последний шанс именно сейчас. Кто не может больше, два шага вперед!

В душах многих из них пошевелилась предательская мыслишка: а что, может, и я тоже больше не смогу, может, шагнуть – и домой?

Но понятно, не у Алексея Маркова, он же был «кадетом», то есть из суворовцев, а это уже своя каста в училище, как и «питоны», выпускники Питерского нахимовского училища. Они были приучены к муштре и бегу на длинные дистанции в сапогах, поэтому так уж серьезно не напрягались. Алексей уже давно поставил себе цель. Он решил строить карьеру военного.

За первый месяц так набегались и похудели, что, когда на церемонии принятия присяги в училище им разрешили пообщаться с родственниками прямо на плацу, мама Алексея спросила:

– Ты что, сыночка, плохо кушаешь?

Потекли будни курсантской жизни, а будни эти даже не стоят вашего времени, мой дорогой читатель. Первый курс училища, как первый год воинской службы, – приказано выжить, просто терпи, так надо.

На первом курсе все сбивались в свои группы – или по интересам, или по признаку «кто откуда» приехал, «питоны» или «кадеты», а еще была группа «местные», то есть группа из тех, кто поступал из Владивостока. Однако Алексей Марков не сильно метался и был принят везде: и там, и там.

В те годы приветствовалось умение играть на гитаре, и потихоньку в штурманской роте создался свой джаз-банд, в котором их было пока пятеро и объединяло только то, что они как-то умели на чем-то музицировать, попросту говоря, бренчать на гитарах и при этом мычать, но называли это пением. Алексей тоже немного играл на гитаре, хотя эти его способности были признаны слабыми и его пробовали на ударных. В Суворовском училище он уже играл на ударных в вокально-инструментальном ансамбле, и его усадили за «кухню», так между собой музыканты называли ударную установку.

Они уже бредили объединением в рок-группу, так как всем нравился шагающий по миру хард-рок, они все знали Beatles и любили английский язык, и к концу первого года обучения им разрешили заменить на танцах в училищном клубе старших товарищей из штурманского факультета, которые выпускались и уходили служить на флот.

Как-то на первом курсе долгими вечерами они много спорили, кем быть, как сложится судьба, куда занесет военная служба. Алексей высказывался неопределенно, больше слушал. В компании был Сергей Греков, сын командира большого противолодочного корабля на Камчатке; он сразу заявил, что обязательно пойдет служить на новый корабль и, конечно, станет

его командиром, а там в академию – и прямая дорога в адмиралы. Но многие пока просто не понимали, куда идти служить, на какие корабли. Марков помалкивал.

Он уже с первых дней учебы навел справки о гидрографии, действительно, во Владивостоке базировался целый гидрографический флот, два дивизиона кораблей, здесь же размещалось командование гидрографической службы Тихоокеанского флота. Корабли гидрографии, или, если быть точнее, суда, несли на борту специальный, немного странный флаг – на темно-синем фоне белый круг с маяком и в левом верхнем углу маленький военно-морской флажок. В справочнике было сухо указано: флаг гидрографической службы военно-морского флота.

Конечно, обводы корпуса гидрографического судна далеки от стремительных форм крейсеров, сторожевиков, даже боевых катеров, однако их элегантность, какая-то рациональная компоновка всего, «покладистость к морскому ходу», что ли, угадывались сразу. Было понятно, что они ходят далеко и надолго. Их называли судами, и казалось, что судно – это что-то далекое от боевых «склянок» – звуков сигнала боевой тревоги, авралов и стрельбы из корабельных пушек, существо вольное, куда хочу, туда и иду.

Но также известно, что слово «судно» имеет и другое значение, связанное с медицинскими экзекуциями, совсем с нелицеприятными, а порой даже противными ощущениями, близкими к унижению личности, поэтому вообще сама мысль о службе на судне считалась чуть ли не крамольной. Ну как можно служить на… судне? Но тем не менее или, наоборот, тем более Алексея это не пугало, ему уже хотелось послужить на гидрографе, «поморячить», набраться опыта, а там, глядишь, дальше видно будет.

Так и текли курсантские будни. Подъем, зарядка, завтрак, занятия в классах, как в институте – лекции и практические занятия, потом обед, работы, самоподготовка, отбой, а с утра по новой… Конечно, были редкие увольнения домой – поесть, иногда на танцы. Но больше всего запомнилась «картошка»: минимум два раза в месяц первокурсники чистили картофель поздно вечером для кормления всего училища на следующий день. На картошке случалось разное. Один раз Володя Верескин поспорил, что съест, не запивая, восемь банок сгущенки. Съел и тут же отъехал в санчасть училища, потому что стало плохо, пришлось ночью вызывать дежурного санитара. Володя вообще был весьма необычным парнем, к концу первого курса он уже стал папой двух мальчиков-близнецов. Представляете, как ему было непросто!

После окончания занятий курсанты отправились на корабельную практику. Первокурсники попали на крейсер «Дмитрий Пожарский». Когда прибыли на причал, крейсер в такой близи показался огромным серым стальным чудовищем с хищно торчащими жерлами главных орудий на кормовой палубе. Всех курсантов построили на юте, где командир крейсера, легендарный капитан 1-го ранга Сергеев Валерий Николаевич, лично тихим скрипучим голосом приветствовал курсантов и объяснял нехитрые правила поведения на крейсере.

Утром в 08:00 на подъеме флага выстроилась вся команда, и курсанты поняли, что попали в суровую действительность флотской службы. Кубрик (жилое помещение матросов на корабле), в котором жил их класс, располагался прямо над артиллерийским погребом, это такое специальное место на корабле для хранения артиллерийских снарядов. Само это место было глубоко в недрах крейсера, а люк артиллерийского погреба был в том числе и в нашем кубрике. Иногда он открывался, и оттуда, как из преддверья ада, с диким свистом и шумом, с запахами пороха и смазочного масла вырывался воздух избыточного давления. Вообще, на крейсере на ходу со всех сторон неслись разные звуки и шумы огромного работающего механизма.

На переборке кубрика (на стенке помещения) было размещено специальное устройство, из которого периодически неслись какие-то команды, звонки и прочие резкие звуки, например, «колокола громкого боя», когда объявлялась учебная или боевая тревога. Это был приемник громкоговорящей связи, по нему объявлялись все команды для личного состава и днем и ночью.

Звук сделать тише было нельзя – не предусмотрено. Поначалу заснуть вообще было невозможно, однако потом привыкли и не замечали, как скрипело, свистело и гудело нутро большого крейсера.

Вообще, как оказалось, крейсер «Дмитрий Пожарский» был заслуженным кораблем, он был спущен на воду в 1952 году в Ленинграде, а с 1955 года вошел в состав действующего флота. С тех пор он сходил в множество дальних походов, был на боевой службе в Индийском океане, следил за американским авианосцем Constelation, который маневрировал на боевом дежурстве в Персидском заливе. Крейсер побывал в десятках стран с заходом в порты – Могадишо, Карачи, Бомбей, Коломбо, прошел в общем более двухсот тысяч морских миль. В 1990 году был продан индийской компании на металлолом.

Вот на таком заслуженном корабле проходили морскую практику первокурсники ТОВВМУ им. С. О. Макарова. Набили, конечно, себе шишек! Марков помнил, как стоял на посту во время стрельб на правом шкафуте и пренебрег требованием обязательно надеть наушники. После выстрела 100-миллиметровой пушки, которая была метрах в двадцати от него, ему показалось, что его шарахнули по голове молотом, да так, что ни слышать, ни говорить, ни даже дышать он не мог минут тридцать. Старшина на него кричал в полный голос, мол, какого черта он тут прохлаждается без наушников, а Алексей только мотал головой и ни слова не слышал! Его отвели в лазарет, где он пролежал остаток дня просто глухой тушкой.

Там же, на крейсере, впервые познакомились с крысами. Матросы их звали «Ларисками», они были везде. Поначалу все были очень напуганы и плохо себе представляли, что делать, если она ночью прыгала тебе на шконку (это подвесная кровать) прямо с трубы, которая проходила прямо над твоей головой. Потом матросы с крейсера научили нас с ними разбираться. Ставилась своеобразная ловушка из проволоки прямо на трубе, и все ожидали момента, когда крыса туда попадет и повиснет в петле. Тогда ее аккуратно снимали с трубы прямо в проволоч-

ной петле и кидали в пустую гильзу от снаряда главного калибра, где она отчаянно визжала, попав в кучу своих сородичей. За десяток таких «усатых морд» на камбузе (корабельная кухня) давали всякое разное угощение. Так вот и жили на крейсере целый месяц.

Тогда на практике они обошли вокруг Японии через Корейский пролив, далее с заходом в Советскую Гавань (стоянка четыре дня) и обратно во Владивосток через четвертый Курильский пролив и пролив Лаперуза.

Усталые, но совсем не худые (регулярное питание на крейсере к концу практики всем шло на пользу), не побежденные судьбой, все как один вернулись на базу, и, когда их привезли в училище и дали полдня на сборы и отправление в летний отпуск, многие повалились на курсантские койки и спали в тиши училищной казармы до следующего утра, благо никто их в это время уже не трогал.

Алексей же спать не стал, собрался в отпуск за полчаса и первым делом позвонил Виктории:

– Ну как там крейсер? – Она уже знала, что они морячили на «Дмитрии Пожарском».

– Да так, нормально! А мы увидимся? – он старательно подавлял в себе нотки нетерпенья.

– Ну приезжай в яхт-клуб, я свободна!

Алексей чуть не закричал в трубку:

– Конечно, дорогая, я за тобой заеду домой!

Он уже выскочил по трапу на выход из корпуса и дальше к КПП. Его охватило такое чувство свободы и вседозволенности, как никогда раньше! Он почти бежал к остановке автобуса, чтобы добраться до своей квартиры на улице 25-го Октября. Ему хотелось кричать от радости, что с завтрашнего дня не будет подъемов и проверок, осмотров и всяких построений, вахт и дежурств, по крайней мере, целый месяц! Это чувство первого дня отпуска залезло ему под корку, оно въелось во все существо Алексея, он запомнил это на всю жизнь, и впоследствии, когда ему выпадал отпуск, это чувство возвращалось, вскипало в нем, будило самые смелые замыслы и планы, придавало силы и буквально проясняло весь смысл его дальнейшей жизни.

Этот первый день первого в своей жизни отпуска Алексей запомнил буквально по часам. Он прибежал домой, побросал форму как попало, надел джинсы и новую футболку, взял темные очки-капли, которые ему привез в подарок из рейса старый отцовский приятель Геннадий Синегурский, тоже судовой механик, ходивший в «загранку».

Перед квартирой Виктории он постоял немного, осмотрел себя – загорелые руки эффектно смотрелись с белой футболкой – и, удовлетворенный своим видом, протянул руку к звонку. Дверь вдруг открылась, как будто Вика смотрела в глазок и открыла ему сама. Она стояла на пороге, смотрела прямо на него, загадочно улыбалась. Он потянулся за очками, которые еще не успел снять, как она сама сняла их легким движением и… обняла, обхватив шею и прижавшись к нему всем телом.

Марков тут же улетел в астрал, голова закружилась, и он понял, что сегодня, сейчас это произойдет! Он подхватил ее на руки и бережно, по крайней мере, ему так казалось, понес ее на диван в гостиную. Они погрузились в водоворот поцелуев, и только через несколько минут Вика вдруг низким голосом сказала:

– Погоди, Леша, я хоть дверь закрою!

Алексей заметался, в эту паузу непонятно было, что ему делать, хотя он, конечно, уже тысячу раз в мыслях прокручивал этот сценарий, все равно не мог сосредоточиться. Она вернулась не сразу, зашла куда-то, появилась перед ним в одной футболке и, улыбаясь, толкнула его спиной на диван, упала рядом. Марков стащил с себя не без труда все одежды, Вика сдернула с себя футболку. Он задохнулся от нахлынувших на него ощущений, прикоснулся губами к ее упругой коже и начал целовать ее наливающуюся грудь.

Марков уже знал некоторые детали процесса, у него уже был опыт в Суворовском училище, однако он не смог удержать плоть и, как говорится, «не доехал» до цели, очень сму-

тился, однако Виктория (девушки почему-то всегда мудрее мальчиков-сверстников) потащила его в ванную комнату, где они забрались вместе в теплую пенную воду, плескались, смеялись, смущение улетучилось, само собой.

Потом они стояли под душевой струей, прижавшись друг к другу телами, Вика дрожала, а Алексей целовал ее во все места, потом бросил на пол махровое полотенце, и, растянувшись на нем, они сделали это теперь уже очень уверенно, несколько раз, до пота, до стона, до замирания, до беспамятства.

Он очнулся в постели Вики, за окнами была темень.

– А где родители? – Алексей чувствовал себя, как после хорошей физической нагрузки, все мышцы болели.

– Они уехали в отпуск, в Сочи!

– А ты что же?

– А я осталась тебя ждать!

Глава 4. Без вины виноватые

Летний отпуск пролетел почти мгновенно, несколько дней Алексей провел с Викторией. Не выходя из квартиры, они перекусывали бутербродами, пока все не кончились – наконец до них дозвонилась мама Алексея, и пришлось врать ей, что они ходили с ребятами на яхте на остров Попова загорать и купаться. Вечером он поехал домой и прямо с порога сказал матери:

– Мамочка, кажется, я женюсь!

Мама Алексея, мудрая женщина, сказала, что это все понятно, мол, пока не торопись, что не надо жениться на каждой девушке, с кем ему удалось, мягко говоря, провести ночь или даже несколько ночей. Они даже повздорили немного, потом все успокоились, и Алексей вдруг почувствовал дикий голод, а у мамы всегда был полон холодильник всякой еды. На том и закончили прения.

Начались занятия второго курса в училище, все потекло по намеченной траектории, уже было полегче, начались интересные для будущих штурманов предметы. Местные (Алексей относился к этой категории курсантов) ходили домой почаще, однако с ночевкой их не отпускали, поэтому многие ходили на танцы, активно знакомились и ухаживали за девушками, времени стало хватать на все.

Виктория тоже была занята в университете, и они виделись редко. Они иногда перезванивались по телефону, однако в очередь к городскому аппарату в жилом корпусе курсантов штурманского факультета была такой длинной, что хватало только сказать последние новости и совсем было не до сантиментов.

Курсантов второго курса называли «без вины виноватыми» и неслучайно, так как, по статистике, основными нарушителями дисциплины в училище были именно второкурсники, которые, пережив тяготы первогодков, начинали утверждаться в своем новом статусе, ходили в самоволки, употребляли спиртное, в общем, вели себя, как уже опытные «старички». А училищное начальство бесцеремонно изгоняло нарушителей из своих рядов дослуживать положенные сроки в действующие подразделения флотов.

В классе Алексея тоже были потери, не все доучились до конца учебного года – сами виноваты, надо было быть умнее. Марков усиленно зубрил штурманскую науку, ему нравилось, он серьезно готовился в моря. Джаз-банд штурманского факультета уже вовсю играл на танцах в училищном клубе, свободного времени почти не было, и Алексей редко виделся с Викторией, с удивлением обнаружив, что их встречи уже не приносили ему той первобытной радости, которую он испытал год назад. Постепенно их отношения охладели и перешли в статус «хороших знакомых».

Завершался второй курс училища корабельной практикой на учебном корабле «Бородино». Обитаемость учебного корабля не шла ни в какое сравнение с условиями жизни курсантов на крейсере. По условиям обитаемости это был круизный лайнер, каюты и кубрики с кондиционером, превосходное питание, просторные учебные классы, все было очень комфортно и удобно, по крайней мере, Алексею так это показалось. Началась штурманская практика на самом деле. Вместе с преподавателями они вставали по ночам на астрономические занятия, учились работать с секстаном, измерять высоты светил, разбираться в ночном небе, определять точное место корабля в бескрайних морских просторах. Алексею все больше нравилась эта профессия. Он выиграл несколько конкурсов на точность определения места в море по высотам светил, уже завоевал славу «вечного пятерочника».

Параллельно грыз английский язык. Алексей считал его основным для мореплавателя, поэтому поступил на курс военного переводчика в училище и взял с собой на УК «Бородино» учебники и большой англо-русский словарь. Еще отец научил его делать словарные карточки, небольшие картонные квадратики, с одной стороны которых были написаны английские слова, а на обороте – их перевод, и он каждый вечер занимался заполнением словарных карточек по разной тематике. Этот метод действительно был эффективным, слова запоминались очень хорошо.

Учебный корабль на пять суток зашел во вьетнамский порт Камрань, как принято говорить – для пополнения запасов. В основном это была пресная вода и бананы, которые выдавали на вечерний чай еще несколько дней.

В те времена в Камрани была размещена оперативная эскадра Тихоокеанского флота. Стоянка выдалась очень интересной.

Алексей был во Вьетнаме впервые, да и, вообще, за границей впервые, его интересовало буквально все, особенно что связано с жизнью и бытом других людей, поэтому он записался и дважды посетил вьетнамскую деревню, познакомился с вьетнамской семьей и даже почерпнул какие-то знания об их быте.

Он пытался общаться на английском, однако лейтенант Фу, как он назвался, когда-то учивший английский в школе, понимал его отрывочно, а говорил совсем плохо. Единственное, что Алексей усвоил из разговора, что он линсо, по-вьетнамски – русский.

Семья лейтенанта Фу, состоящая из четырех человек, размещалась в небольшом собственном одноэтажном домике, где были две небольшие спальни и комната – гостиная, она же кухня и столовая, общей площадью, наверное, метров двенадцать-пятнадцать. С улицы их дом напоминал небольшую деревянную коробку с тростниковой крышей, стоящую на сваях. Вьет-

намцы были очень радушны и напоили Алексея необычным для него чаем с маленькими сушеными бананчиками.

Алексей, конечно же, едал бананы и раньше, те, к которым мы привыкли – большие желтые плоды. Эти же были маленькие и сморщенные, но очень сладкие, с необычным вкусом.

Когда на следующий день Алексей снова посетил семью лейтенанта Фу, его встретили очень приветливо, как старого знакомого, долго что-то обсуждали и цокали языком, потом жена лейтенанта вынесла плошку белейшего риса и поставила ее перед ним, потом добавила несколько небольших чашечек с какими-то цветными жидкостями. Алексей почувствовал себя неловко, за столом сидели дочери офицера пяти и десяти лет, худенькие маленькие вьетнамочки, а перед ними лежали только маленькие сушеные бананчики. Алексей жестами пояснил, мол, спасибо, но давайте все-таки вместе есть рис, мол, ему одному неудобно. Лейтенант Фу долго что-то обсуждал с женой, обращаясь и к нему тоже, пододвигая плошку с рисом опять к Алексею. Алексей из уважения попробовал большой деревянной ложкой со странной короткой ручкой рис, макнув его предварительно в чашку с темно-желтой маслянистой жидкостью. Неожиданно оказалось вкусно. Он заулыбался, а вьетнамцы закивали головами и радостно загалдели, что, мол, зря отказывался – вкусно ведь!

Алексей на прощание подарил лейтенанту военно-морскую пилотку с офицерской кокардой, которую выкупил у мичмана, хозяйственника с УК «Бородино», отдав ему все имеющиеся наличные деньги, порядка восьми рублей. Лейтенант Фу взял подарок и, вытянув ладони вперед, встал на колени, жена и дети встали в низком поклоне, Алексей смутился еще больше и пулей выскочил из их дома.

Когда УК «Бородино» отчаливал от пирса Камрани, курсанты собрались на астрономической палубе и наблюдали за швартовкой и отходом, было весело, все обменивались впечат-

лениями, разговаривали, понимая, что через неделю будут дома. Алексей смотрел на большую группу провожающих вьетнамских военных и вдруг заметил, что один из офицеров оцепления у самого края пирса вдруг стал по-военному отдавать честь отходящему кораблю. Его фигура показалась очень знакомой Алексею. Да это же был лейтенант Фу! Он узнал его и, перейдя на спардек, начал махать офицеру рукой – прощай! Через минуту фигура ответила прощальным взмахом: пока, линсо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.